

ЕВГЕНИЙ СМАРТ

(попаданцы в СССР)

**Деблокадный Сёрф 1.
Разведка с Боем
(Неизвестная Война - 1)**

Евгений Смарт

**Деблокадный Сёрф 1. Разведка
с Боем. Неизвестная Война
– 1. (Попаданцы в СССР)**

«Автор»

2024

Смарт Е.

Деблокадный Сёрф 1. Разведка с Боем. Неизвестная Война – 1.
(Попаданцы в СССР) / Е. Смарт — «Автор», 2024

Часто ли Вы скользите между Мирами во Времени? Я и сам не замечаю, как вдруг оказываюсь в прошлом. Кругом рвутся снаряды, громыхает канонада, позади деблокированный Ленинград, а я стою посреди поля как вкопанный. Лишь где-то рядом тритоном пищит кардиограф, да слышится чьё-то сиплое дыхание через ИВЛ.

Содержание

От автора:	5
Предисловие. Сёрфер по времени	6
Глава 1. Рву зубы через нос. Бесплатно	8
Глава 2. В предверии беды	11
Глава 3. Гармоника	14
Глава 4. Тасс уполномочен	16
Глава 5. Московскими подвалами	19
Глава 6. Война иль Мир? Вот в чём вопрос	21
Глава 7. Дети Неподземелий	24
Глава 8. Флеш мозга	27
Глава 9. Почитай ветеранов	31
Глава 10. Вставай, страна огромная!	33
Глава 11. К здоровью через Морг	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Евгений Смарт

Деблокадный Сёрф 1. Разведка с Боем. Неизвестная Война – 1. (Попаданцы в СССР)

От автора:

На сбор информации для этой книги я потратил три месяца. Раньше бы это казалось мало с учётом работы с бумажными архивами в библиотеках. Сейчас в век интернета и скоротечности информации это много, больше уходит на обдумывание и обработку материала. Реальных историй из военных лет моего деда оказалось мало. Я знаю, что он был разжалован и отправлен на фронт искупать чужую вину своей кровью. Дядя мне рассказывает, как дед несколько раз ходил за языком, чтобы с него сняли "сняли ШтрафБат", но все разы терпел неудачу. Матушка моя помнит, как лежал он восемь месяцев в госпитале после контузии под Выборгом, как потом, после войны, ему предлагали остаться жить в Ленинграде, а дед мой рвался домой, к жене и детям.

Пришлось штудировать архивы, отслеживать перемещение частей Красной Армии, чтобы воссоздать по крупицам бои тех лет и солдатский быт.

Кто-то мудрый сказал, что красть истории у одного человека – это плагиат. Воровать у многих – это уже исследование. Для описания приключений своего деда в Штрафном Батальоне под Ленинградом я использовал истории, рассказанные мне пользователями чата "Рулетка", когда в лоб их спрашивал: "Можно задать Вам нестандартный вопрос для этого чата? У Вас воевал кто-нибудь из родственников в Великой Отечественной Войне?" Большинство собеседников тема ставила в тупик, многие отказывались припоминать. Лишь примерно каждый из ста охотно, но смутно вспоминал рассказы своего деда или прадеда. Так, по крупицам и удалось воссоздать картину приключений, не описанных ещё в книгах, не рассказанных в аудиоспектаклях, по которым ещё не сняты фильмы.

Большая благодарность за военную и поэтическую редактуру председателю нашего ЛИТО "Белый Камень" Вырвичу Александру Леонидовичу, Члену Союза Писателей России и Приднестровья, участнику миротворческих операций в Чечне, Приднестровье, Южной Осетии и Абхазии, кавалеру ордена Мужества и ордена «За службу Родине в Вооружённых Силах» III степени, а также множества медалей СССР, России, ЧССР, Южной Осетии и Приднестровья.

Предисловие. Сёрфер по времени

По заборам внук не лазит,
Увлечён он книжками
То Историю украсит,
То заменит фишки там.
Ух-ты, ах-ты!
Темпо-космонавты!

Вам часто приходится драть зубы? Нет, не как Зубная Фея пальчиками, и не как Зубной Рвач щипцами, раздвинув широко Ваш рот. Хотите испытать незабываемые впечатления? Попробуйте удалить пломбу зуба через нос! Поверьте, мне эту пломбу вот так предстоит удалять!

А, ну я, вообще-то, не об этом. Напомните, чуть позже расскажу про такой увлекательный процесс. А сейчас...

Как часто Вы путешествуете во Времени?

Да, конечно, умники сейчас скажут, что мы все движемся во Времени со скоростью шестьдесят секунд в минуту, иногда и шестьдесят минут за час, в зависимости от того, кто в каком темпе живёт. А у некоторых вся жизнь пролетает и того быстрее, они не успевают отсчитывать не только дни, но и календарь еле поспешают перелистывать, отрывая месяц за месяцем.

Но я, повторяюсь, сейчас о другом. Хотите Вы окунуться в Прошлое? Ведь каждый же мечтает это сделать? Да? Подсказать себе самому, какую роковую ошибку не совершить, подстелить из будущего себе любимому соломку в прошлом. Скажу Вам по секрету, это вполне возможно. Только тот Мир, в котором Вы поступите по-другому, будет уже не Вашим. Даже более того, не надо Вашего участия из будущего. Каждое мгновение и так дробится на множество вариантов развития события. Только некоторые из этих случайностей живут недолго, затухая то молниеносно, то по-инерции через какое-то время, порою продержавшись даже года. Но всё равно затухнут. А есть и ответвления, длящиеся одновременно с Вашим основным очень и очень долго. И ошибается тот, кто считает, что можно прыгать из одного Времени в другое. Даже если Вам это удастся, это будет не один из этих Миров, а уже следующий, сотворённый Вами только что. И, возможно, он исчезнет, как только Вы переместитесь в очередной.

Но я опять не об этом. Я сейчас хочу напомнить Вам о тех скольжениях в прошлое, когда Вы ничего поменять не можете, а остаётесь лишь сторонним наблюдателем. Каждый же во сне переживает тот или иной момент в своей жизни? А порою даже по несколько раз? Нет? Странно. Мне кажется, что у всех такое случается.

Мне, скажу я Вам, посчастливится попасть в прошлое. Но не своё, а своего деда. Скажете – невозможно? А Вы возьмите старый семейный альбом с фотографиями и полистайте его внимательно. Только не как тот чудик месяцца на календаре словно вентилятором шуршит, еле успевая их отрывать. Смотрите на каждую фотографию внимательно, постарайтесь изучить мельчайшие детали Истории.

Это сейчас на фотоцифру мы щёлкаем всё, что ни попади, кадров по пять, чтобы выбрать потом из всех более удачную композицию. А в былые времена, когда в обычной плёнке фотоаппарата нарезано всего тридцать шесть кадров, любой, даже начинающий фотограф ценит каждое мгновение, которое он хочет запечатлеть. Выбирает тщательно ракурс, высчитывает выдержку, следит, не моргает ли кто, особенно если это групповое фото.

Вот и я сейчас листаю фотоальбом, внимательно рассматриваю своих родственников. Иногда на тыльной стороне подписано кем-то мудро: кто же там есть кто.

Для чего мне это нужно? Меня жена давно пилит – составь для детей Генеалогическое Древо. Пусть дети и внуки знают, кто кто кому и кем в их роду приходится, да передадут эти знания своим потомкам. Ведь если мы это не сделаем, никто другой не оставит огромный след наших поколений в Истории рода.

Из моих предков мало кто сейчас есть в живых. По линии отца вообще утеряны связи. Лишь с двоюродными сёстрами иногда перекидываемся поздравлениями. Но и они ничего не могут сказать о предках.

Зато по линии матери собрано немало информации. В своё время мой дядя, её брат, также решает заняться сбором информации обо всех родственниках. Он-то и составляет набросок Древа. Ценные сведения по линии их матери и отца. Мне предстоит лишь оформить это грамотно и красиво, чтобы можно будет потом в рамку повесить и хвастаться перед гостями, насколько поколений мы знаем наш род.

С Дедом своим я часто вижусь в детстве, беседую, пишу за него письма родным и друзьям, когда приезжаю в гости. Порою остаюсь ночевать, чтобы пообщаться подольше со своими друзьями с его двора. Иногда на Деда накатывают воспоминания, и он с жаром рассказывает мне о былых подвигах товарищей в далёкие времена Великой Отечественной. Но я успешно всё забываю, не придавая значения обыденному для нас в то время подвигу защитников Отечества.

Став взрослее, поступив в институт во Владивостоке, реже вижусь с дедом, лишь иногда заглядываю в гости к нему в Находку. Когда у меня появляются уже свои дети, мы переезжаем в одну из деревень Приморского Края, а деда забирает к себе во Владик его младший сын, мой дядя Валера. Но и опять мы видимся редко. Дед умирает в Восемьдесят Четыре года, как ни странно, не запачкав сединой волосы, хотя проходит всю войну, а частично и в Штрафном Батальоне, получает контузию, проводит в госпитале восемь месяцев. Он до последних своих дней горячо любит Сталина, хотя и схлопотал срок во времена его правления. Когда дед берёт в руки гармошку, первой его песней всегда звучит:

Выпьем за Родину,
Выпьем за Сталина!
Выпьем и снова нальём!

В года моего детства Дед часто рассказывает мне, как приходилось простым солдатам воевать в тяжелейших условиях. Но я не очень внимательно его слушаю. Тогда, во времена СССР, об этом говорят везде. И в Школе, и по телевизору, и в книжках. Нам это не кажется чем-то невероятным, скорее всего, даже обыденным, рутинным. Всех Пионеров Героев мы знаем наперёд, подвиги Героев Советского Союза, хоть ночью разбуди, расскажем...

Сейчас современные школьники знают меньше, их жизнь не пропитана Историей, как наша. Да и мы забываем понемногу о былых подвигах, о тех страшных днях...

И кто бы мог подумать, что я сам окажусь в гуще тех событий. Да, да. Как сёрфингист проскользну через волны Времени и окажусь на гребне Девятого Вала Истории.

Глава 1. Рву зубы через нос. Бесплатно

До чего дошёл прогресс!
Медицина – просто класс!
Хочешь, мозг прошьют чрез пресс,
Хочешь, вставят через глаз.
Ух-ты, ах-ты!
Чудо-мозгонавы!!

16 октября 2023 года, Понедельник. Растуново.

Вы всё ждёте, когда я расскажу Вам, как выдирают пломбу зуба через нос? Не верите, что так делают? Тогда Слушайте.

Щёлкает как-то у меня ухо. Нет, не зуб, а именно ухо. Ну, как полагается, записываюсь я к врачу. Живу я за ЦКАДом, недалеко от Домодедово, но ближе всего мне к Растуново, наше СНТ как раз относится к Растуновской поликлинике. Записываюсь по и-нету к ЛОРу. Или как он сейчас называется – отоларинголог. Млин, с первого раза выговариваю, надо же! Прихожу к нему на приём. Там сидит такой мужичок. Э-э-э... Небольшого роста, полненький, чем-то недовольный. Стал заполнять анкету на меня.

– Кем работаете? – спрашивает устало, не отрываясь от компьютера и не переводя на меня взгляда.

– Писатель я, – скромно развожу руками, как бы извиняясь, что тунеядец.

– Ух, ты ж! А про меня книжку напишете? – резко он поворачивается ко мне и глаза его вспыхивают от восхищения.

– Конечно же, напишу, рассказывайте, – не верю я в искренность его интереса.

– Что рассказывать? – озадаченно замирает доктор.

– Про себя рассказывайте. Как же я про Вас напишу, если я ничего не знаю про Вас? – подталкиваю врача к откровению я.

– Вполне резонно. Так, давайте познакомимся. Меня зовут Толкун. Толкун Асранович Жоев, – доктор протягивает руку, обмениваемся рукопожатиями. – Я приехал сюда из Киргизии. Зарплата маленькая, приходится работать в две смены. С утра в Михнево, после обеда здесь, в Растуново. С детства обожаю Россию. Учился в русской школе. Хотел и жену взять себе русскую, но здесь не сложилось. Зато детей назвал русскими именами. Вот...

Я обожаю знакомиться с новыми людьми. Порода у меня такая. Писательская. Выпытываю подробности, а потом вставляю в свой рассказ их характеры. У меня большая коллекция копится за всю мою жизнь.

– А как Вы относитесь к нам, азиатам? – прищуривается Толкун Асранович.

– Да, очень даже напрямую! – ответ у меня уже готов, отрепетирован на многих неоднократных подобных знакомствах. – У моего деда азиатская кровь в предках. Бурятская. Он из Сибири родом.

– А... Тогда понятно. А то нас, азиатов, не очень-то и жалуют здесь, – разводит ручками Толкун Асранович.

– С чего это Вы взяли? – подыгрываю я. – У нас многонациональная страна! У нас...

– Да ладно! – машет рукой доктор. – Полноте Вам. Вижу. Постоянно вижу, как к нам относятся. Вечно хотят притеснить.

– А вот это неправда! – пытаюсь я защитить своих земляков. – Говорю же – дед у меня был азиатской внешности, хоть и по паспорту русский. Никто никогда его не притеснял. А если б и посмел, несдобровать бы тому было.

– А почему же мне тогда такое выпадает? – как Гамлет вытягивает вперёд руку целитель, словно вопрошая невидимый череп на ней.

– Есть примеры? – прищуриваюсь теперь я.

– Да! Есть! Вот, кстати, – азартно приосанивается мой собеседник. – Вчера я возвращаюсь домой. Заскакиваю в "Пятёрочку". Люблю там выпечку покупать. Подхожу к лотку со своими любимыми булочками. Там их мало осталось. И как раз возле них стоит мужик с бабой. Русские. Я замираю возле них, жду, пока отойдут. Слышу, баба шепчет мужику: "Гриша, заberi все булочки, чтобы этому чурке не досталось!"

– Прямо так и сказала "чурке"? – наигранно удивляюсь я, заранее зная ответ.

– Ннн... Не помню, – доктор явно в замешательстве. – Какая разница? Может, и не сказала, а подумала... Суть же не меняется?

– Очень даже меняется! – продолжаю убеждать его. – Может, Вы сами себя накручиваете? Давайте я расскажу, как выглядела эта ситуация с их стороны?

– Ну-ка, интересно. Рассказывайте! – доктор складывает в ожидании руки на столе.

– Пришли Маша с Гришей в магазин. Булочки купить себе к чаю. Стоят и думают – "Взять на один раз или сразу впрок?" Пока совещались, сзади ещё какой-то тип подкрался. Стоит и пыхтит возле них. "Чего ему надо? Подслушивает, о чём мы шепчемся?" И тут этот тип, явно гастарбайтер со стройки, лапу свою немытую к их булочкам протягивает, представляете?! Маша не будь душой, отталкивает его и шепчет мужу: "Гриша, бери все! А то нам на завтра не достанется!" Могло быть так?

Толкун задумывается, почёсывает подбородок.

– Возможно. Не подумал я про это, – собеседник мой явно озадачен. – Действительно, я торопился, а они, как на базаре, стояли и примерялись. Чего там думать? Бери или не бери.

– А, может, они и "чуркой" Вас не называли? – подмигиваю я уже по-приятельски лекарю.

– Может, и не называли, – задумывается Толкун Асранович. – Не помню.

К слову сказать, сдруживаемся мы с этим Толкуном. Обмениваемся телефонами. Встречаемся потом не раз. Даже однажды я отвожу доктора к его земляку, который лежит при смерти. А потом сам Толкун как-то приезжает к моей внучке на дом, когда у неё неожиданно заболит горло.

Но поражает меня другое. Когда я в тот день уже собираюсь уходить, он протягивает мне направление на томографию.

– Зачем это мне? – удивляюсь.

– У Вас что-то не в порядке с носом.

И в правду, я заметил, что слева сопли идут, а правая ноздря сухая.

– Что бы это могло значить?

– Скорее всего, – вздыхает доктор, – в правой гайморовой пазухе что-то мешает.

– Что там может мешать-то?! – совершенно не хочу воспринять действительность я.

– Не знаю, – снова разводит руками доктор. – Поэтому и направляю провериться. Был случай, что одному пациенту зуб дёргали, а осколки в пазуху и затянуло.

– Да не дёргал я на той стороне челюсти зубы... – продолжаю отрицать факты я.

– Надо убедиться. Проверить, – жмёт мне на прощание руку врач.

И я отправляюсь на томографию. Да, действительно, там находят в гайморовой пазухе инородное тело. Потом Толкун, прочитав заключение, отправляет меня в Жуковский. В ЛОР-хирургию. Как ни парадоксально, но это единственная больница в Московской Области, где могут выдрать зуб через нос.

– А если я не лягу на операцию? – интересуюсь у светила я на консультации. У местного эскулапа Виктора Викторовича Лиманского.

– Ваше право. – Врач молодой, но, видимо, умудрён опытом. – Но тогда в одно из воспалений гной может выдавить инородное тело в мозг.

В мозг я не хочу. И вот, почти месяц спустя, я еду на назначенную мне операцию. Как в том анекдоте драли гланды через зад, мне предстоит выдрать пломбу через нос.

Глава 2. В предверии беды

Ох, жду я милого с работы,
Разливаю в чашки щи.
А мне детей своих охота,
Не испечь же их в печи.
Ух-ты, ах-ты!
На семейной вахте!

**13 июня 1941 года, Пятница. Станция Жаргон Сибирской
железной дороги Транссибирской магистрали.
Черемхово, Иркутская область, Россия. +15°C, дождь.**

Уже второй день шёл дождь. Нина любила такую погоду, когда тёплый летний дождик прибавляет дневную жару, что стояла больше недели. На улице было не зябко, но и полуденный зной не отбивал желание хлопотать по дому.

На обед муж Пётр обычно прибежал домой. Похлебает щи, расскажет новости и снова упылит на станцию. Да, любил он именно щи, борщ категорически не воспринимал. Не нравилась ему "ржавчина", придающая, как ему казалось, тошнотворный привкус. Отдельно свежие помидоры обожал, а приправленные на их обжарке продукты не переносил. И в кого это он такой? Ну, с этим его бзиком Нина смирилась, да и сама уже перестала вспоминать про борщ. Разве что иногда, когда доводилось бывать у родителей на Заимке Громова.

Евдокия Герасимовна, тёща Нины и по совместительству мать её мужа Петра, готовила превосходно. До кухни невестку не допускала, разве что, как сейчас, позволяла разлить по тарелкам. Сейчас она сама прилегла в комнате, где жили молодые на общей площади с нею и двумя братьями Петра, Колькой и Сашкой. Старший брат Гришка занимал со своей семьёй вторую комнату их большой квартиры в бараке.

Вот прогудел на прощание состав с Черемхово, значит, муж скоро будет, пора накрывать на стол. Она протёрла и без того чистые тарелки, поглядела, как отблескивают силуминовые ложки со звёздочкой и надписью "г. Сталино СВРПК" и стала разливать обед.

"Эх, как не хватает своих детишек в доме..." – вздохнула Нина, вспомнив сорванцов Гришки.

Она мечтала о большой семье. Знала, что у неё точно будет пятеро деток. Две девочки и три мальчика. Ей проезжая цыганка нагадала. Нина отдала той свой любимый платок, тайно желая, чтобы пророчество сбылось. Но неустроенность быта пока не давала надежд на осуществление мечты.

Квартиру в бараке получили Гришка с Петром, когда Петю отправили на курсы дежурных по станции. Сам Гришка работал составителем, а Пётр стрелочником. Но как ни странно, в дежурные попадали только стрелочники, отучившись на специальных курсах.

Но вот так удачно начавшейся карьере мог грозить полный крах. У Петра всего лишь четыре класса образования, а чтобы стать Начальником Станции, надо было иметь за плечами как минимум школу, не говоря уже о техникуме. Но учиться упрямый муж не желал. А зачем? Считать крупные денежки, кроме рынка в Черемхово, особо негде, да и зарплата в двести пятьдесят рублей не даёт разгуляться счёту больше тысячи, и то востребовано больше вычитание, чем сложение и умножение, в табелях и вовсе расчёт простой, знай только циферки, да буквы, а другого ничего и не надо. Ну, а что касается писанины... Вот здесь даже у Нины руки опускались. Сама-то она была грамотная, окончила целых семь классов, ей даже предла-

гали учительницей начальной школы пойти в Черемхово. Но своего мужа обучить она не могла, как ни старалась. Да он и разговаривал так, что не всякий поймёт. Нет, местные-то понимали его сибирский говор, но, не дай бог, ему надо письмо написать, здесь он всегда жену просил помочь. В грамоте совсем не видел толк. Разве что брат Гришка его заставлял штудировать учебники, чтобы Пётр в люди выбился. А то уже скоро двадцать восемь, а он всё меж вагонами лазит, как шпанец. Даром, что сам юркий и прыткий, да и ростом невелик.

Но именно хитровыкрученный Гришка пропихнул брата на эти курсы по разнарядке. Нина, так же как и муж, была стрелочницей, но девушкам такая должность не светила. А Пётр отлично знал азбуку Морзе, что сыграло решающую роль при подаче документов.

– Дарова жана, ёпта! – муж появился как чёрт из табакерки.

С ходу обнял, груди сжал, по заднице хлопнул и прямиком за стол.

– А руки кто мыть будет? – вспылила Нина.

– А шо? Я вчера их мылил, – ляпнул и сам загоготал. – Эт не хрязь, а трудовая накипь!

Полезна приправа!

– Руки, я сказала! – нахмурилась жена.

– Ех... Оно пошто поди конешно, не иначе, ка ваще... – извиняясь и подняв руки кверху, Пётр стал вытекать из-за стола, уже пожёвывая откусанный ломоть ржаного хлеба.

Он никогда не спорил с женой, свято выполняя её пожелания. Тазик с водой был при входе, можно было ещё с порога сполоснуть, но Пётр надеялся, что на этот раз прокатит. Не прокатило. Пошаркав для вида дегтярным мылом и поглядывая, следила ли жена, сполоснул руки и направился опять к столу, вытирая кисти о засаленную гимнастёрку.

– Вот, не может пороса без грязи! – вспылила Нина, вскинув руки. – Что мыл, что не мыл, опять своих микробов со штанов на пальцы запустил!

– А шо йих баяца? Она своя! Родненька! – и муж снова загоготал.

– Петь, а ты слыхал, что у Паловны сына хотели на Дальний Восток отправить после Военного Училища?

– Дык и прально! Пущай Миру повидат!

– А, вот, она не согласна была с этим. Ездила к их командиру... Или как он там называется, начальник того училища. И, знаешь, добила своего! Завтра сын едет поближе к Европе! Представляешь, в Брест его распределили! Ой, счастливая она! Ты не представляешь!

– Да шо нам Яропа! Нам и тут неплохо. Я те скажу, тикать оттёда надыть. Плохо там будя. Ядним словом – Краина.

– Ты про немчину что ли? Да не посмеют они! Наш Молотов же с их Риббентропом Мир заключил! Не посмеют они договор нарушить.

– Эх, Нинка, Нинка... Светла ты голова, а дурна. Будя война, будя! Нет веры той писульке! Нам бумажка та нужна былать, шоб оттянуть времько. Успеть подшаманить текняку. Танкив настрогать, да войсков насобрати, обучити. Нам ба годка два и не сокрушить нас ни в жисть! – Пётр стукнул кулаком по столу, будто таракана прихлопнул.

На грохот вышла Евдокия Герасимовна:

– А ну, цыц! Развели тут филармонию. Чего своими барабанами стучишь?!

В гневе мать была страшна, но пока что это был ещё штиль в её поведении.

– Ответ пришёл с курсов?

– Аха... – радостно залыбился Пётр.

– Ну, говори, чего тянешь? – кинулась к мужу Нина. – Приняли?

– Аха... – яки кот сиял муж.

Нина завизжала от радости, подскочила ближе к мужу и стала его целовать:

– Я так и знала! Я верила в тебя! Главное, ты отлично знаешь эту чёртову азбуку! Я, вот, никак освоить не могу. Эти точки, тире, запятые. А грамматику мы с тобой поднатаскаем! Сегодня я в ночь, завтра вместе позанимаемся.

Пётр вздохнул, облизал ложку после враз растаявших в тарелке шей и поплёлся к выходу.

Глава 3. Гармоника

Еду утром в электричке,
Слышу песню дедову,
Я его души частичка —
Вместе за Победу мы!
Ух-ты, ах-ты!
Что-то здесь не так-то!

16 ноября 2024 года, Четверг. Домодедово – Москва.

Давно я так рано не езжу общественным транспортом. Раньше, помню, в Шесть Тридцать утра каждый будний день я уже на перроне в ожидании электропоезда. На электричке и подвалами Москвы в те дни удобнее добираться до работы из Домодедово до Октябрьского Поля. На машине часа три, липездричкой и подземкой за два часа. И поспать в дороге можно, и пописать свои рассказы, ну или почитать чужие, да и пообщаться в сети (тогда единственная лишь Аська рулит).

Вот и сейчас жена довозит меня до вокзала Домодедово по пути на свою работу. Минут пять в очереди на кассу (не привык я к терминалам). Я лет десять не пользуюсь этим транспортом. В России многое меняется за эти десять лет, хотя, с другой стороны, почти ничего не меняется за триста годков.

Я уже на перроне морожу уши в ожидании состава. Десять минут – это сейчас ужасно долго для ожидания транспорта.

Но вот и вагон останавливается напротив меня, радушно распахивая двери. Усаживаюсь поудобнее по ходу движения к окошку и почти мгновенно отрубаясь – годами выработанный навык не растерян!

Забутьё.

Просьпаюсь мгновенно. Хотя и торможу, будто во сне. Сперва слышится странный звук. Не могу вспомнить, что это за инструмент. Ах, да! Точно! Губная Гармошка! Надо же! Гусли или домбру, наверное, чаще показывают по телику. Необычный звук. У меня с ним ассоциации с вестернами или фильмами про войну, когда солдаты играли на трофейной диковинке.

Точно – солдат!

В начале вагона появляется немолодой уже солдат в старой потрёпанной гимнастёрке. Она не современная, почему-то сразу всплывает образ обычного фронтовика времён Великой Отечественной, возвращающегося с боёв домой. Пилотка держится каким-то образом на левом плече, форма ранневой, ещё без погон. Через правое плечо вокруг тела до бедра намотана шинель. Раньше, в детстве, мы не догадываемся, что это у солдатиков в фильмах такое через всё тело висит, и наивно полагаем, что они зачем-то носят так автомобильные шины. Да мы и сами так иногда велосипедные от "Школьника" вокруг себя обматываем, когда играем во дворе в войнушку. Гимнастёрка старая, потрёпанная, но опрятная. Чистая и даже выглаженная. Наверное, мужичок у своего деда одалживает её для выхода на заработки. Кто-то под афганца косит в переходах, кто-то под современных бойцов с СВО. А этот зачем-то решает закосить под солдата давно минувшей войны. Не актуально. Не достоверно.

Кстати, странно, что никакой торбы для сбора подати у бойца нет. Не в карманы же совать деньги? Опа, а у меня и налички-то нет! Я всегда раздаю, даже заправщикам на АЗС. Но с лета не езжу на своей машине и мелочь не коплю.

Мелодия звучит задушевная, с грустинкой. Я такую не припоминаю. Честно, будь у меня полтинник или сотка, отдам. Но денег нет, даже пошарил в своём несессере, что через плечо. Да и некуда ему совать же! Может, на карту закинуть? Только никакой таблички у него с номером карты нет. А прерывать поток души через музыку ой как не хочется!

Фронтник уже приближается ко мне, я успеваю разглядеть его полностью. Лысый напрочь. Как на таком пилотка сидит и не соскальзывает? Разве что гвёздиками прибивать. Нет даже ёжика волос. Уши торчком и чуть заострённые, почти как у Эльфа. Нос, видимо, часто участвует в драке, независимо от желания владельца. Да, скорее всего, и не в одной, судя по лёгкой его скошенности. И украшает нос не воинственная горбинка, а наоборот, заметная вмятость. Боевой такой нос. Щёки шелушатся, немного впалые. Лёгкая небритость говорит о том, что всё-таки иногда солдат ухаживает за собой. Как ни странно, мужичок не пытается играть на жалостливый образ. Не горбится, а наоборот, идёт, приосанившись. Взгляд его не шарит с мольбой по карманам душ пассажиров, а устремлён куда-то за горизонт мысли, то ли блуждая в Истории, то ли вспоминая Будущее.

Ба! Да это же та самая песня!

Выпьем за Родину,
Выпьем за Сталина!
Выпьем и снова нальём!

Только я её помню в исполнении Деда под аккомпанемент его же гармошки. А здесь без слов, прямо мольба тоскующей души рвётся наружу.

Дед.

Я знаю, что он защитник Ленинграда. Но лишь совсем недавно мне становится известно, что после Северной Столицы Дед принимает участие в боях за Выборг. Может, и раньше знаю, но забываю. Это Вторая Финская Война, про которую у нас мало известно. Немцы держат блокаду Ленинграда с Юга, а Финны блокируют с Севера. Корни конфликта уходят в Первую Финскую, тоже малоизвестную, когда наша Красная Армия сражается с белофиннами и побеждает их ценою немалых жертв. Наши в ту первую войну создают своё правительство и объясняют наше нападение освобождением крестьян и рабочих от кровавых чуждых народу тиранов. Население притягивают практически за уши. За большую часть народа тогда выдают, как ни странно, белорусов. Даже бытует в те года, как принято сейчас называть, популярный мем: "На финские мины идут минские финны". В начале Второй Мировой Финны, воспользовавшись беззащитностью наших северных границ, нападают на СССР, махом отвоевав не только свои земли, но и захватив нашу Карелию, встав практически под Ленинградом. Финны по сговору с немцами хотят стереть с лица Земли этот город и установить границу по Неве. Но желают этого лишь правители. Сам же народ в лице солдат отказывается нападать дальше, и воцаряется некое равновесие. Фронт не меняется на протяжении двух с лишним лет. Лишь иногда случаются локальные стычки.

Так. Куда же пропадает солдатик? Я даже не замечаю, выходит ли он из вагона или...

Глава 4. Тасс уполномочен

С репродуктора спокойно
Диктор новости читает.
Немец алчет нам неволю,
Мы ж о Мире лишь мечтаем.
Ух-ты, ах-ты!
Звери-фашинавты!

**13 июня 1941 года, Пятница. Станция Жаргон Сибирской
железной дороги Транссибирской магистрали.
Черемхово, Иркутская область, Россия. +15°С, дождь.**

Во всём поселении при станции репродуктор был только в комнате Начальника по Станции.

Сам Начальник Станции Сидлер сидел угрюмый, погружённый в свои думки.

Он ценил свою работу. Согласно штатному расписанию у него была должность категории "С4". Воинского звания не полагалось, но по классификации должность приравнивалась к командиру роты звания порядка капитана. В институтской среде это было равносильно званию старший преподаватель. Их станция хоть и не была полноправно узловой, но на ней формировались поезда из вагонов с углём, поступающим с шахты Номер Шесть и с разреза «Южный». Отдельная железнодорожная ветка шла от комбината строительных материалов, рыбохолодильного завода и мебельной фабрики. На станции было аж восемь путей и три тупика для формирования составов. Само название станции пошло от бурятского Зургаан, что переводится, как "Шесть". Что значит Шесть? Именно шесть километров было до основной станции Черемхово. А на аларском диалекте "Зургаан" звучало как "Жоргон".

Обедал Сидлер прямо там же в кабинете, домой не ходил, хотя жил рядом в общем бараке. Ценил минуты одиночества, когда можно было пообщаться с самым умным собеседником. То есть с самим собой. Он никогда не пропускал время новостей. Вот и сейчас накрутил регулятор в центре тарелки до полного и внимательно вслушивался, что вещает диктор из далёкой Москвы.

"Японские газеты публикуют сообщения агентства "Домей Цусин", в котором говорится... что Советский Союз концентрирует крупные военные силы на западных границах... концентрация войск на западных границах производится в чрезвычайно крупном масштабе. В связи с этим прекращено пассажирское движение по Сибирской железной дороге, так как войска с Дальнего Востока перебрасываются главным образом к западным границам. Из Средней Азии туда же перебрасываются крупные военные силы..."

Да, Сидлер готов был подписаться под каждым этим словом. Так оно и было. Составы на запад шли сплошным потоком. С солдатами, техникой, боеприпасами, инвентарём, материалами. Были прерваны даже сообщения пассажирских поездов. Об этом не говорили открыто, но все знали, что грядёт великая беда. Все, кто здраво мыслит, понимали, что война неизбежна. Империалисты спят и видят, как захватить наши земли, отнять завоевания Октября, разрушить наши так быстро отстроенные города, поработить население.

"Военная миссия во главе с Кузнецовым выехала из Москвы в Тегеран. Назначение миссии, отмечает агентство, связано с вопросом о предоставлении Советскому Союзу аэродромов в центральной и западной частях Ирана."

Да, это правильно. Правительство и лично товарищ Сталин знают, что делают. Раз они так поступают, значит, считают это единственно правильным. Не нам им подсказывать, что и как делать. А то работяги развели там вчера демагогию. Понимаешь ли, сыскались доморощенные стратеги и тактики. Кто-то ратовал за немцев, дескать, им, европейцам, светочам культуры, лучше знать, как должен меняться Мир. А другие и вовсе предлагали сейчас самим напасть на совсем недавно сформировавшееся немецкое правительство, а рабочий народ Германии, типа, нас обязательно поддержит.

Аха, как же! Держи карман шире! Сидят там работяги у немчуры по домам и пикнуть боятся. Они даже друг другу не доверяют.

Репродуктор продолжал вещать пропаганду:

"ТАСС,, уполномочен заявить, что это подозрительно крикливое сообщение "Домей Цусин", позаимствованное у неизвестного корреспондента Юнайтед Пресс, представляет плод большой фантазии его авторов... никакой "концентрации крупных военных сил" на западных границах СССР нет и не предвидится."

Ну, здесь диктор лукавит. Уж кто, кто, а Сидлер знает, что за составы, и что за грузы едут эшелонами.

Начальник налил кипяточку в заварник с иван-чаем ещё прошлогоднего урожая. Он, чай, как вино, чем старше, тем крепче. С годами ещё более забористее становится, медовее. Скоро, кстати, праздник Ивана Купалы, можно будет новый урожай собирать, готовить ячейки с сетками для сушки, коловорот пора протереть от пыли, да просушить.

"Крупница правды, содержащаяся в сообщении "Домей Цусин,, , переданная к тому же в грубо искажённом виде, состоит в том, что из района Иркутска перебрасывается в район Новосибирска – ввиду лучших квартирных условий в Новосибирске – одна стрелковая дивизия."

Ох, ну зачем же так примитивно? Ведь никто не поверит! Слишком всё шито белыми нитками по чёрному. Ведь каждый же понимает... Или не каждый? Неужели только Сидлер такой умный, что просчитывает все действия Партии и Правительства наперёд?

Он ещё со времён революции всё просчитал. Знал, что Первая Мировая не закончилась, как то думали другие. Немцы затаили обиду и готовились к продолжению захватнической войны. Нарастивали все эти годы своё могущество. Понимало это и руководство молодой Советской Родины. Сидлер знал, что насильственная коллективизация не просто блажь Партийной верхушки, а социальная необходимость. Зерно – это стратегическая валюта, так требуемая для индустриализации страны. Кулак не имеет такой силы и ресурсов, как полноправный колхоз. Он бы был не в состоянии закупить передовую технику – трактора, сеялки, комбайны. Кулак обрабатывал бы землю по старинке. А при колхозах экономика гигантскими темпами подняла страну с колен. Именно на деньги от продажи зерна стали развиваться города, производства, появилась возможность перевооружать армию. Сидлер умный, Сидлер понимает, что руководство страны видит угрозу с Запада, но виду не подаёт. Ещё немного, лет пять, и мы станем самой несокрушимой силой в Европе...

Стали собираться работяги. Обед закончился. Одиночество тоже. Теперь не с кем побеседовать. Никто не может его понять, кроме него самого. Разве что Петька. Даром, что четыре класса образования, да разговаривает как лапотник, либо как сибирская деревенщина, либо

вообще сплошняком по матушке, когда злится или волнуется. Но зато он чувствует правду. И единственный понимает Сидлера.

Так, всё. Работаем. Сегодня хоть и пятница Тринадцатое, но хорошо, что Сидлер несуетерный, ведь быть суеверным – к несчастью.

Глава 5. Московскими подвалами

Под землёй, в метро спускаясь,
Знай, там черти шкодили
И за деньги нас пускают...
Правит там юродивый!
Ух-ты, ах-ты!
Дигеронафты!

16 ноября 2024 года, Четверг. Москва

В метро, оказывается, теперь не надо не только жетоны покупать, но даже за билетиком со штрихкодом нет необходимости стоять в кассы. Достаточно банковскую карточку прислонить к валидатору, турникет спишет положенную сумму и приветливо распахнёт свои стеклянные створки. Имеется у меня где-то карта Тройка, но я не могу её найти, а вспоминаю про проездной по старинной русской традиции только перед выходом. А можно, говорят, ещё и телефон приложить к этому самому валидатору. Но предварительно там предстоит что-то настроить. В наше время не обязательно быть самому умным, достаточно иметь при себе умный смартфон. Но мне это ни к чему, я нечасто пользуюсь такими услугами.

Не знаю когда, но железнодорожную станцию "Нижние Котлы" переименовывают в теперь уже одноимённую ей станцию метро "Нагатинская". А то раньше, бывает, возникает постоянная путаница, как и с соседней железнодорожной станцией "Коломенская", располагающейся рядом со станцией метро "Варшавская", хотя метрошная "Коломенская" совсем в другом месте. Теперь они обе носят название метрошечной. А станция метро "Коломенская" расслабилась и отдыхает в другом месте одна.

В детстве, когда я приезжал с очень Дальнего Востока в столицу, всегда восхищался метрошными станциями, а, по возвращении обратно домой, всё искал в подземных переходах Владивостока спуск в такое вожаемое для ребёнка метро. Не находил и расстраивался. Со временем свылся, что это теперь только сказка. Причудилось.

Теперь путешествовать под землёй для меня становится обыденным, хоть и не очень частым событием. Как ни стараются власти, но вот, попрошайки оттуда так и не могут убрать. Вот и сейчас среди довольно плотной толпы продирается очередной юродивый. У них что, флэшмоб какой-то? Этот тоже в гимнастёрке времён Великой Отечественной Войны. Только в отличие от того, который с электрички, на этом форма сидит нарочито неряшливо, будто он всем своим видом пытается показать, что надевает её временно. Гимнастёрка-то фиг с ней. Но на ногах у солдатики совсем не в тему красуются старые советские кеды из моего детства. Не красовки, а именно кеды с характерным прорезиненным носком и подошвой, а сами тряпочные. Точнее, даже они были не полностью с закрытым голенистом, а укороченные. Мы такие называли полукедками.

Попрошайка юрко протискивается между рядами, заглядывая в лица игнорирующей его публики и отпуская шуточки:

– Уткнулись все в свои телефончики, друг друга не замечают! Ой, не смешите мои кецы! Может быть, если сказать им, что мозг – это самое прикольное приложение, то они наконец-то начнут им пользоваться?

Бродяга останавливается возле какого-то интеллигентного вида гражданина, смеривает его взглядом и изрекает:

– Чиновник чё ли? Эй! Чиновники ездят на лимузинах, а не занимают места добропорядочных граждан в общественном транспорте! Кстати, чиновник! Даю установку. Не воруй. Это работа правительства.

Он улыбается сам своей шутке и упирается взглядом в молодого батана в очках:

– О! Заяц? Ты без билета едешь? Шца тебя оштрафуют! Штраф – это налог за неправильное поведение. А, вот, налог – это штраф за хорошие дела. Так что выбирай, что будешь по жизни платить? Штрафы или налоги? По-другому нельзя!

Вояка вдруг резко поворачивается к подростку придурковатого вида, стоящему в наушниках рядом и дёргающему головой в такт только ему слышимой музыки.

– Вам смешно, что этот студент даже в метро не выпускает учебника? Если Вы думаете, молодой человек, что образование – это очень дорого, то попробуйте стать бездарем. Гарантирую, Вам это влетит в копеечку.

Блуждающий взгляд новоявленного стендапера, сыплющего статусами из соцсетей, наконец остановился на мне. Кого-то он мне напоминает. Не очень-то хочется стать объектом его плоских шуточек, и я отвожу свой взгляд, делая вид, что не замечаю его, как и другие пассажиры.

– О! Писатель! Привет! А напиши про меня книжку! Не обязательно делать меня там главным героем, пусть я буду другом друга или мимо проходящим случайным прохожим... Ну, как мимо проходящим... Пусть я буду всё время как бы мимо проходить и выкручивать всякие едкие замечания, чтобы Главный Герой не скучал и постоянно все были в тонусе! Это, кстати, у меня не вопрос, а рекомендация! Меня, вот, уже где-то использовали. Так что и ты пользуйся.

Боец бросает взгляд в книжку стоящего рядом паренька:

– Это он не твою книжку читает? А, нет. То у него учебник по экономике. Студент, ёпта. Не смешите мои кецы! Изучай, изучай экономику, батан! Вот, когда станешь безработным, то, по крайней мере, будешь знать, почему. Я, конечно же, могу тебе помочь материально, но мой кошелек похож на луковицу. Аха, на неё. Открывая его, я тут же начинаю рыдать в три ручья.

Солдатик опять поворачивается ко мне.

– Идём, писатель, тебе выходить пора!

Вот же, чёрт! И действительно, моя станция пересадки. Как же так? Я ведь только пять минут назад как вошедший!

– Надуть чудо? Будуть Юдо! – подмигивает мне юродивый и протискивается к выходу. – А ну, народ! Выходим! Это не вопрос. Это утверждение! – он опять поворачивается ко мне. – Что стоишь как вкопанный, пошевеливай булками, Писатель!

– А вдруг они не выходят? – не удерживаюсь от диалога я.

– Не смешите мои кецы! Выходят! Ещё как выходят! Не все, правда, ещё знают об этом.

Меня не очень-то радует такой попутчик, но не убегать же от него! Идём параллельно. Хорошо, хоть со своими замечаниями ко мне не пристаёт. Интересно, надолго хватит у него выдержки?

Впереди показывается патруль РосГвардии. Наконец-то. Может, этот шут испугается их и отвяжется от меня? Но нет, несуразный вояка тут же переходит почти на строевой шаг и шепчет мне, не поворачивая головы:

– А Вы замечаете, что, когда мимо проходят полицаи, ты чувствуешь себя параноиком, но никак не в безопасности?

Странно. Говорит мужичок почти полушёпотом, но, несмотря на постоянный гул даже в переходах метро, я отчётливо слышу каждое его слово, будто он мне в ухо это шепчет.

– Ну, спасибо за продуктивную беседу! – резко поворачивается служивый ко мне прямо во время движения. – Нам пора расставаться. Мы с тобой сегодня так здорово смеёмся, что у меня аж пресс болит до неможного, считай, что спортом занимаемся, и я, пожалуй, даже пропущу сегодня тренировку. Ты клёвый! До скорой встречи!

Глава 6. Война иль Мир? Вот в чём вопрос

Не люблю я спорить, девки,
Я люблю приказывать.
Коль мужик на семидневке,
Он обязан вкалывать.
Ух-ты, ах-ты!
Жизнью мне обязан ты!

**21 июня 1941 года, Суббота. За день до Войны. Станция
Жаргон Сибирской железной дороги Транссибирской
магистральной. Черемхово, Иркутская область, Россия. +27°C, ясно.**

Солнце палит уже неделю. Это нормально для июня. Бывало и жарче, как в начале месяца, когда доходило аж до Тридцати Пяти. Зато ночью так и не поднималось выше Десяти.

Евдокия в окошко заприметила, что Павловна пошла снимать бельё с вёшал, быстро подхватила свой тазик с бельём и поспешила, пока кто другой не опередил. Хорошая солнечная погода располагала к стирке, и все соседи только и караулили, когда бы вывесить постирушки. Вёшал на всех не хватало.

– Ну как, Павловна, сынок твой уже в Бресте? – больше для поддержания разговора спросила Евдокия.

– Да, прибыл. Расквартировали уже. – чувствовалось, что Павловну так и распирает с кем-то поделиться радостью. – Говорит там такая красота и тишь невероятная! Европа, не то, что у нас.

– И что? Прямо ляхов видел? – продолжала Евдокия, особо сама и не интересуясь, лишь бы что спросить.

– Ну, да! Там через речку перейти, и уже Польша.

– А эти, немчура которые? Правда, что у нас с ними будет война? – осторожно начала Евдокия, боясь коснуться темы, что у всех на устах.

Женщины ловко принаровились – вместе снимали словно пушинки свежие простыни Павловны, в четыре руки складывали как фокусники в компактные конверты, потом также вместе вешали мокрые и потому тяжёлые простыни и особенно пододеяльники Евдокии. Вдвоём и шибче получалось, и веселее. Но уж с нательным бельём каждый разбирался сам со своим.

– А что немчура? Они шляхтичей подмяли под себя и успокоились. Никто не собирается ссориться с таким сильным соседом, как мы. Это румыны панику подняли, будто наши стягивают к их рубежам войска. А немцы – не! Они ж культурные, не то что эти цыгане! – сама себя успокаивала соседка.

– Ой, не знаю, Паловна. Не знаю. Петька мой говорит, что Сидлер всем приказал завтра никуда на выходные не уезжать. Что-то, говорит, затевается. Сидлер просто так трепать не будет, – сказала и сама замолчала.

– Да ну его в баню, этого Сидлера! Панику только разводит. – Павловне всё казалось, что ей все в поселении завидовали, что сын служит поближе к Европе, а потому и пытаются поддеть. Хотя Евдокия не такая. Она не будет попусту судачить.

– Ты лучше скажи, Герасимовна, где будите в этом году сено косить? Опять в Пади? – резко сменила неприятную тему Павловна.

– Да, не! У нас же нонче невеста у Петьки из знатных. Отец её – бригадир в колхозе. Выделил нам в поле шикарный участок, там будем заготавливать, – поделилась секретом Евдокия.

– Я так и думала, потому и спрашиваю. Можно, тогда я Ваше пастбище в Пади себе возьму? Хотим ещё коров прикупить, – деловито атаковала Павловна, она давно собиралась начать этот разговор, чуть ли не со свадьбы Петра, но всё не решалась, боясь, что та откажет.

– Бери, конечно. Чай, не враги мы с тобой, соседка, – махнула рукой, как с барского стола, подруга.

– Вот спасибо тебе, Герасимовна! Оно хоть и не сравнимо с Вашим новым полем, но всё, почитай, самая лучшая часть в Пади была. – запричитала Павловна, помогая соседке развешивать уже и исподнее. – Справедливая ты баба, почему ж так невесток своих не уважаешь? Вон какое добро в руки пришло! Аль нерадива она в быту? Не помогает?

– Да, пытается помогать. Но разве ж я доверю кому своё кровное? Двум хозяйкам в доме не бывать! – вздохнула Евдокия. – Хоть Петьку себе забрала, пусть этому радуется. Тяжело своё, родненькое, другим отдавать-то, тяжело.

– Тоскуешь, небось, по Тамарке, бывшей своего Петеньки? – осторожно задела больную тему соседка.

– Эх, и не говори. Вот та славная невеста была! В надёжных руках бы мой сыночек был! – как-то накатила грусть на опечаленную мать.

– Да ладно, не горюй. Как вместе бы жить стали, враз рассорились бы!

– Может, и так. Ну, не проверишь теперь. – согласилась и задумалась.

Евдокия спорить не любила. Лучше промолчать и прослыть дураком, чем пытаться что-то доказать и развеять все сомнения. Она привыкла не спорить, а повелевать. Что скажет, то и есть закон.

Своего-то мужа схоронила давно. Болезный он пришёл с Империалистической. Потравили их там немцы химией какой-то. Так и тянула Евдокия всех четырёх мальчишек сама. Ни с кем не сходилась, даже хозяйство большое имела. Пацаны жили дружно, помогали ей и друг другу. Но держала она их в кулаке. Вольностей не допускала. Хотя и знала, что Петька, вон, курить начал аж с трёх лет, а Гришка первым хотел бежать из семьи, но так и вернулся с женой. Живут в соседней комнате. Колька, вот, только болезный. Но живут все хорошо. Это ли не радость для матери? Радуйся счастью. Не знала она, что это последний день счастья.

* * *

21 июня 1941 года. За день до Войны. Москва.

"21 июня состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), после которого издан и в ночь на 22 июня передан в западные военные округа приказ (директива № 1) НКО СССР: "В течение 22 – 23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО... Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия... Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников" ".

(История Великой Отечественной Войны советского союза 1941—1945. Том Второй. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). Воениздат. МО СССР М. –1961)

* * *

Осуществление гитлеровского плана "Барбаросса" началось на северной Балтике вечером 21 июня, когда 7 немецких минных заградителей, базировавшихся в финских портах, выставили два минных поля в Финском заливе.

(Gunnar Åselius, "The rise and fall of the Soviet Navy in the Baltic, 1921—1941", page 224; Routledge, 2005)

* * *

21 июня, в 13 час. германские войска получили условный сигнал «Дортмунд». Он означал, что наступление по плану «Барбаросса» должно начаться на следующий день в 3 часа 30 минут.

Глава 7. Дети Неподземелий

Спорить с женщиной не стоит,
Правду ей ты не внушишь.
Выдай несколько историй,
Озадачь и рассмеши.
Ух-ты, ах-ты!
Анекдототравты!

16 ноября 2024 года, Четверг. Москва

Избавившись от навязчивого типчика и перейдя на очередную ветку метро, я решаю вздремнуть. Но не бывать такому. Рядом со мной присаживается какая-то фифа. Накрашенная и размалёванная, как кукла Барби. Губы её до тако накачаны, что больше походят на вываливающиеся изо рта вареники. Выглядит она дорого, но самое дорогое в ней – одежда, а, увы, не внутреннее содержание. Мы порою покупаем бессмысленные дорогие, но не практичные вещи, которые нам не нужны, на деньги, которых у нас нет, чтобы произвести впечатление на людей, которых мы не знаем.

Она совсем не сочетается с метро, как коньяк "Наполеон", добавленный в "Портвейн". Наверняка, у неё машина стоит на арестплощадке, телефон лежит в авто, а голосовать на трассе она считает недостойным для себя. Не удерживаюсь и спрашиваю:

– Дозвонились до гайцов? Вам сказали, куда эвакуировали машину?

Видно сразу, что дамочка сейчас на взводе, ей не терпится с кем-то поделиться, а лишённая привычных средств связи, как смартфон и соцсети с мессенджерами, вынуждена сейчас общаться с маргиналом типа меня.

– Да, совсем обнаглели! Я вчера оставила-то машину лишь на пару часиков! Ну, может, больше. Выхожу утром, а машины нет! Хорошо хоть дядечка какой-то понял мою беду, позволил куда надо и узнал, на какую стоянку мою лапочку оттащили! Он предлагал отвезти меня туда, но я же не такая! Я уж лучше переступлю через себя и спущусь в эти подвалы, чем сяду к незнакомцу в тачку!

– Прямо уж и подвалы? Неужели здесь так сыро и воняет плесенью?

– Нет, ну... У нас просто не принято пользоваться подземкой, как у нищелюдей. Только я телефон свой забыла в машинке на подзарядке, а вызвать такси через того дядечку как-то не догадалась сразу, еле сбежала от него. А так-то да, здесь красиво! Никогда бы не подумала, что мне понравится тут. Такие роскошные убранства...

Мне режет слух слово "убранство" в её исполнении, но я не делаю на этом акцент.

– Представляете, а в Войну здесь даже жили люди. Точнее, ночевать приходили, сохраняясь от бомбёжек.

– В войну? СВО, что ли? А, поняла! В Чеченскую, да?

– Нет, в Великую Отечественную.

– Правда? А что, Себянин уже тогда метро строил?

– Нет, оно ещё до него было. Представляете!

– Вот бы не подумала! Скажите ещё, что и плиткой Москву до него выкладывали?

– Да, представляете! А ещё раньше плитки – брусчаткой.

– Брусчаткой? Из бруса, что ли? Деревянные дороги были?

– А, нет. Это как камни. Бывали на Красной Площади? Видели...

– Нет, я ни разу так и не дошла до неё. Только в ЦУМе была. Красная Площадь, это же где ГУМ, да?

– Ну, наверное, так... При ГУМе она, правильно.

– И что, здесь в метро прямо квартиры были у людей?

– Нет, зачем же. Просто нары стояли на перронах. Люди так на них и спали.

– Прямо все вместе?! Голые?!

– Зачем же голые. В одеждах.

Видно сразу, что для девушки эта информация становится откровением. В её мозгу сейчас открыто слишком много вкладок, и она путается в них.

– Скажите, а кто бомбил наверху? НАТО? Американцы?

– Нет, Американцы тогда были нашими союзниками.

– Прада? Я верила, что они нам не враги. А то сейчас все против них. Даже МакДональдс у них забрали! И Нетфликс смотреть запретили.

– Нет. Тогда бомбили немцы.

– Немцы?! За что?! А! Поняла. За Северный Поток. Я где-то что-то слышала такое.

– Нет, Северного Потока тогда не было. Они просто напали на нас, хотели уничтожить.

– Серьёзно?! А за что тогда?!

– Просто прилетали и просто сбрасывали бомбы на Москву.

– Но они же могли нас уничтожить!

– Ну... Да. Они так и хотели сделать.

– Они что, дурные?

Девушка действительно пытается переварить эту информацию. И, видимо, даже делает свои выводы:

– И бомбы сюда не попадали, да? Так вот почему метро такое глубокое!

– Да, не попадали.

– А зачем же они тогда бомбили?

Теперь и я впадаю в ступор, не зная, как объяснить очевидное.

Неожиданно она делает свой вывод:

– Взяли бы, спустились сами в метро и перестреляли всех.

Я чуть не впадаю в осадок и ляпаю первое, что приходит на ум:

– А Вы видели турникеты на входе?

– Конечно, видела. У меня хоть и не было с собой телефона, зато карточки банковские остались. Я ж не дура, приложила к турникету, он меня и пропустил. Я видела, что так многие делают. У них что, карточек не было?

Мне становится неловко за такую шутку перед девушкой. Приходится ей открыть правду.

– На самом деле немцев не допустили до Москвы. Наша армия героически стояла на защите города. Они так и не вошли в город.

– А как же... Я помню, мы в школе учили:

Скажи-ка, дядя, ведь не даром,
Москва, спалённая пожаром...

Здесь она запинаясь, призадумывается и продолжает:

– Немцам отдана...

– Нет. Это не про ту войну. А про Отечественную Войну Тысяча Восемьсот Двенадцатого года. Тогда с Французами бились. С Наполеоном. Это было ещё при царской власти.

– А... На нас ещё и Французы нападали? Тоже бомбы сбрасывали?

Вот тут я уже иссякаю. Мне нечего теперь ответить. Да и есть ли зачем? У неё, как у рыбки Гуппи, всё выветрится через полчаса, ещё и из метро выйти не успеет.

Но на удивление девушка вспоминает начало беседы:

– А как же поезда ходили, если здесь везде лежаки стояли?!

– Так, нары только ночью ставили, поезда не ходили, люди пользовались метро, как обычно.

– Ночью бомбили?! Они что, извращенцы? Это же громко! Как спать-то?!

– Но у нас же с ними разница во времени. Они же немцы.

– А! Ну тогда понятно.

И девушка успокаивается, получая все ответы на свои вопросы. Жертва ЕГ.

Глава 8. Флеш мозга

Черти водят за нос нас
Через мозга тропы.
Тот преодолеет сглаз,
Кто имеет опыт.
Ух-ты, ах-ты!
Мозговывдворянты!

22 июня 1941 года. Воскресенье. 1-й день Войны. Запад СССР – Москва – Станция Жаргон Сибирской железной дороги Транссибирской магистрали. Черемхово, Иркутская область, Россия. +26°C, дождь.

В ночь с 21 на 22 июня на территории СССР в приграничной полосе начали действовать немецкие диверсанты, нарушавшие линии связи.

* * *

Пётр вяло брёл под дождём. Нет, он любил летний дождь, сбивающий жару, но не любил работать в такую погоду.

* * *

В 3 часа 30 минут на всём протяжении Западной границы СССР немцы начали артиллерийскую и авиационную подготовку, после чего сухопутные войска Германии вторглись на территорию СССР. За 15 минут до этого, в 3 часа 15 минут, румынские ВВС нанесли воздушные удары по приграничным районам СССР.

* * *

Это в народе их стрелочниками кличут. А на самом деле должность называется – Дежурный Стрелочного Поста. Вот так. Это Вам не лаптем щи хлебать!

* * *

В 4 часа 10 минут Западный и Прибалтийский особые округа доложили о начале боевых действий немецких войск на сухопутных участках округов.

* * *

Но уже совсем скоро Пётр станет не Дежурным Стрелки, а Дежурным по Станции! Практически замом самого Сидлера!

* * *

В 5 часов 30 минут посол Германии в СССР Шуленбург передал наркому иностранных дел Молотову заявление об объявлении войны. Такое же заявление сделано в Берлине послу СССР в Германии Деканозову.

* * *

Всего на станции должно быть четыре дежурных, но пока их три. Вот, скоро место четвёртого и предстоит занять Петру.

* * *

В 7 часов 15 минут. издана директива № 2 за подписью Тимошенко, Маленкова и Жукова: "22 июня 1941 г. 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налёты на наши аэродромы и города вдоль

западной границы и подвергла их бомбардировке. Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу... Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу."

* * *

А там дальше, кто его знает, может, и на место самого Начальника когда-нибудь придётся встать. Хотя Сидлер, казалось, вечно был и будет Начальником.

* * *

В 12 часов по советскому радио передано правительственное сообщение о начале войны – обращение В. М. Молотова к советскому народу.

* * *

Пётр возвращался со стрелки, когда увидел какое-то движение между составами. Кого это нелёгкая понесла в такой дождь?!

– Опять, мляха буха, углю воруюм? Вот я тя едриттвоёналево! – закричал в надежде, что спугнёт шалуна и не придётся бежать за ним.

* * *

Начиная с 22 июня 1941 года бомбардировщики немецких люфтваффе начали использовать финские аэродромы. Первые 43 немецких самолёта совершили вторжение в воздушное пространство СССР из воздушного пространства Финляндии около 4 часов 22 июня 1941 года над Карельским перешейком.

(История Великой Отечественной Войны Советского Союза 1941—1945. Том Второй. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). Воениздат. МО СССР М. –1961

* * *

Уголь на станции воровали понемногу, но не среди же белого дня! Хотя время было уже не голодное, как лет двадцать–тридцать назад, но многие жили бедно. В колхозе лишь ставили трудодни, с того, что на них получишь, много не продашь и не выменяешь, а наличка была лишь у работяг, так что особо много угля не купишь.

* * *

21—25 июня с территории Финляндии против СССР действовали военно-морские и военно-воздушные силы Германии.

22 июня 1941 года в ответ на занятие финскими войсками демилитаризованной зоны Аландских островов последние в тот же день подверглись бомбардировке советской авиации.

(Барышников Н. И. глава: Финские бомбардировщики в зоне Ленинграда // Блокада Ленинграда и Финляндия 1941-44. – Хельсинки, 2002.)

* * *

Из-под состава вылез мальчонка. Глаза лупоглазые, испуганные. Сам перепачкан. Но не углём и сажей, как должно быть у воришки угля, а ржавчиной и грязью, будто бродит давно уже среди городов и сёл.

* * *

Изданы Указы Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации с 23 июня военнообязанных 1905—1918 годов рождения и о введении на территории ряда республик и областей военного положения.

* * *

– Дяденька! Не ругайте меня! Я на фронт спешу! Батя у меня там! Ему помощь нужна. Разве на этих вагонах нельзя уехать туда, где солнце заходит?

Пётр даже опешил от такой наивной прямооты юнца и не нашёлся что сказать, кроме как своё привычное:

– Отчахож незя... Зя, канешн, но не можно!

Он взял под локоть мальчонку, который даже не вырывался.

* * *

Западные приграничные военные округа СССР преобразованы во фронты: Прибалтийский особый – в Северо-Западный фронт, Западный особый – в Западный, Киевский особый – в Юго-Западный.

* * *

Впереди кто-то уронил железяку, и она выдала местоположение притаившегося воришки.

– А, ну, стой, паршивец! Стрелять буду! – больше для испуга, чем взаправду, крикнул Пётр.

Из-за колёсной пары показалась ушастая мордашка юнца, перепачканная не сажей, а грязью.

– Не стреляйте, дяденька! Я на фронт еду, к папке! Ему помощь нужна! На этом вагоне нельзя уехать туда? – и сорванец неопределённо махнул рукой в сторону скоро садящегося солнца.

"Чё за хрень така?" – Пётр аж остановился. Чем-то ему ситуация показалась знакома.

– Дядь, а дядь? Мона?

– Мона... – эхом отозвался стрелочник. – Мона, но не нуно... Тьфу, дьявл, запутал ты мени.

* * *

Началась оборона базы ВМФ Лиепая.

* * *

На шум среди вагонов Пётр решил не реагировать. Мало ли кто там лазит. Ну, своруют жменю угля, ну мешок стыбрят. Не убудет же от государства? Может, жизнь чья и будет спасена. Но воровской элемент сам лез на рожон. Со сцепки вагона прыгнул молоденький пацан, весь чумазый и взъерошенный.

– Дядь! Как мне на фронт попасть? Я никак не могу уехать. Меня постоянно сюда возвращает. Я уже в разные стороны пробовал, но каждое утро здесь просыпаюсь. Дядь, ты можешь мне помочь?

– Оно пошло пади конечно, не иначе, ка ваще... – только и успел протянуть Пётр, лихорадочно соображая, с чем он столкнулся.

Если бы он был грамотный и нашпигован, как колбаса знаниями, назвал бы это "Де Жа Вю". А живи лет так много цать тому вперёд, решил бы, что его посетили флэши памяти.

Он снова и снова проживал одну и ту же ситуацию, ища из неё правильный выход.

* * *

Красная Армия оставила Алитус Вилкавишкис, Вирбалис, Калварию, Брест, но сама Брестская крепость продолжала обороняться.

* * *

В этот раз Пётр умудрился довести юнца аж до самой станции, но стоило ему отвлечься лишь на мгновение, пацанёнок исчез, как будто его и не было.

* * *

Вечером издана директива № 3 НКО СССР за подписью Тимошенко, Маленкова, Жукова, предписывавшая фронтам мощными контрударами уничтожить противника, «не считаясь с госграницей».

* * *

В очередной раз Пётр крепко держал мальчика за руку. Тот и не сопротивлялся.

Они вместе вошли к Начальнику по Станции, и только тут Пётр вспомнил, что Начальником было велено...

* * *

Италия и Румыния объявили войну СССР.

* * *

Кстати, о Сидлере! Он приказал всем собраться к Семнадцати Ноль–Ноль. Типа, будет какое-то экстренное заявление. Неужели, прогрессивку обещанную выдадут?

* * *

Уинстон Черчилль в выступлении по радио заявил:

«Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером – наши враги... Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем.»

* * *

В комнате уже собралось много народу, Сидлер обвёл всех взглядом и врубил на полную громкость репродуктор.

Глава 9. Почитая ветеранов

Говорим витиевато,
Но трындим, как дышим.
Если матов маловато,
Планку ставим выше.
Ух-ты, ах-ты!
Анекдототравты!

16 ноября 2024 года, Четверг. Москва – Жуковский.

Переходя на финишный маршрут, а именно на электричку из Москвы в сторону Жуковского, я ожидал встречи с очередным неординарным попутчиком. Но судьба миловала меня и уберегла от новой эмоции перед предстоящей операцией.

Я давно не езжу этой забавной веткой железной дороги. Раньше, в конце '90-х, живя непосредственно в самой Москве, мы часто мотаемся на дачу к тётушке в Бронницы. Но, купив дом в Домодедове, сперва приезжаем ещё пару раз, а потом и вовсе перестаём туда ездить.

Эта железнодорожная линия необыкновенная. Она уникальная для России. На участке от Москвы до Рязани поезда движутся по левой стороне! Строят её французы ещё в конце Девятнадцатого Века. Почему тогда движение левостороннее, спросите Вы, ведь машины во Франции движутся так же, как и у нас, по правой полосе? Вопрос резонный. Оказывается, во Франции все железнодорожные магистрали такие. Им проектируют в самом начале ещё Англичане, а у тех-то как раз и автомобильное движение левостороннее. Так что, когда Вы едете по дороге в Рязань, Вам постоянно кажется, что поезд неожиданно решает поехать назад. От этого движения в поезде задом наперёд можно сойти с ума любому автомобилисту, если дремать время от времени. Вот и я, проваливаясь в привычную для электричек дремоту и просыпаясь почти каждые пять минут, всякий раз не могу понять, куда мы едем. На третьей попытке вздремнуть, решаю не насиловать свой мозг и просто наблюдать за доробгой.

Уж не знаю, какими скачками, но я опять вспоминаю про своего деда. По прошествии такого количества лет я, конечно же, многое забываю. Но в памяти всплывает образ всегда молчаливого и погружённого в свои размышления маленького, малоподвижного старичка. В быту он на моей памяти немногословен, редко делает замечания, никогда не спорит. Но стоит ему лишь слегка злоупотребить спиртным, дед моментально преображается. Он превращается в шепутного лихого молодца, готового пуститься в пляс и разговоры.

Фамилия у моего деда Петухов. И зовут его – Петя. Это сейчас в нашем исковерканном сознании возникают сразу уголовные неадекватные оскорбления. А раньше "ходить петухом" означает браваду и молодецкую удаль, задористость.

В лёгком подпитии дед в те года действительно таким и становится. Он часто, помнится, берёт в руки гармошку. Не баян, не аккордеон, а именно русскую гармошку. А я, будучи совсем ещё мальчишкой, люблю отплясывать под его игру до изнеможения. Настолько задорно и весело играет дед, что ноги сами несутся в пляс. Особенно мы любим его "Цыганочку с Выходом". А когда уже устанешь и присядешь, дед затягивает лирические песни. "Печурка", "По дорогам", "Платок". И, конечно же, наша дальневосточная "Катюша" про "Далёкий Пограничный". Но самой любимой у Деда:

Выпьем за Родину,
Выпьем за Сталина!

Выпьем и снова нальём !

Но припоминается у деда и ещё одна черта, когда он волнуется или хорошенько уже подвыпивший.

Дед начинает безбожно материться. Причём не может себя контролировать даже при детях.

Припоминаю, матушка моя всегда пытается его урезонить:

– Ты бы хоть при детворе не матюгался!

Дед всегда замирает в такой момент, подобочивает руки в боки и громогласно заявляет:

– Эт хто матюгася? Я матюгася?! Абыщи! – и демонстративно выворачивает карманы.

Кстати, с этой его особенностью материться при волнении однажды даже выходит конфуз.

Надо сказать, что дед мой хоть и русский, но в роду у него есть бурятская кровь. И она выливается в его внешности. Особенно к старости он походит на Конфуция, только без бородки. Баки у него, как, впрочем, и у меня по наследству, не растут, а ходить с Хошиминовской бородкой ему, как я сейчас, не нравится. Вот и бреется он тогда постоянно начисто.

Так вот. То, что на внешность он походит на азиата, некоторых иногда подводит.

Как-то раз к очередному Дню Победы в нашей школе чествуют ветеранов. Как и полагается, приглашают почётных фронтовиков. Медалей у моего деда имеется много, но все их гирляндой носить он не любит. На кителе его висят лишь ряды орденских планок. Но и это у всех вызывает всегда уважение.

В тот раз перед школьниками выступают только двое. Какой-то седобородый на внешность европеец, и мой дед, которого принимают за азиата. Первым выступить предлагают европейцу. Но когда ведущая собирается его объявить, начинает путаться не только в фамилии, но даже и в имени. Настолько непривычно нашему русскому слуху они звучат.

Старичок... На то время ветеранам всего лишь лет по пятьдесят-шестьдесят, но для нас, юнцов, это уже действительно пожилые люди.

Так вот, старичок выходит, прокашливается и начинает что-то рассказывать. Говорит он невнятно, шамкая слова. Никто ничего понять не может. Сперва нам кажется, что время от времени в его разговоре промелькивают подобия матов. Но потом оказывается, что не показывается. И как раз именно маты звучат отчётливо, в отличии от остальной речи.

Ведущая, сообразив это, плавно закругляет ветерана, благодарит и отводит в сторонку, вручив гвоздики.

Вызывают выступать моего деда. Ведущая с удивлением зачитывает вполне русские имя и фамилию, даже удивляется. До этого дед был внешне спокоен и безмятежен. Волнение никак не проявляется на нём. Но оказывается, внутренне он весь пылает и трясётся. Если первый ветеран говорит невнятно и тихо, то дед мой начинает громко и отчётливо...

Да уж... Лучше бы он пусть также что-то бурчит неразборчивое. Но дед начинает речь, состоящую сплошняком из матов, вспоминая что-то фронтовое. Самое приличным из этого – "гавнюки" и "япона мама".

Учителя впадают в ступор, а ученики радостно аплодируют. Настолько им сильно нравится выступление деда!

О! За воспоминаниями я чуть не прозёвываю свою станцию. Резко несусь к выходу и успеваю выскочить в уже закрывающиеся двери.

Глава 10. Вставай, страна огромная!

Радио нам сообщило,
Что к нам в дом война пришла.
Врежем Гитлеру по рылу,
Победим – и все дела!
Ух-ты, ах-ты!
Смерть Вам, оккупанты!

22 июня 1941 года. Воскресенье. 1-й день Войны. Запад СССР – Москва – Станция Жаргон Сибирской железной дороги Транссибирской магистрали. Черемхово, Иркутская область, Россия. +26°C, дождь.

Вместо Диктора выступил сам Молотов и без запинки тревожным голосом заговорил:
"Граждане и гражданки Советского Союза!
Советское правительство и его глава тов. Сталин поручили мне сделать следующее заявление:"

Степаныч хмыкнул и помахал репродуктору ручкой. Сидлер гневно зыркнул на него, и обходчик замолк, так и не высказав назревающую шутку.

"Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причём убито и ранено более двухсот человек. Налёты вражеских самолётов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории."

Сенька Пирогов от неожиданности даже выронил изо рта сигарку, да так и сидел дальше с открытым ртом, пока ему не указали на тлеющую робу.

"Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключён договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло всё условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей."

– Да ну, на фиг! Это шутка такая? – пытался проморгаться Романыч.

Ему также все скомандовали заткнуться. В полной тишине Молотов вещал дальше:

"Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как народному комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что Германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы. "

В уголке запричитала, всхлипывая, Ирка, но никто не удосужился ни успокоить её, ни предложить замолкнуть.

"В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты Германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной."

– Дядь! Я ж говорил, мне на фронт надо срочно! – всхлипнул паренёк, которого привёл Пётр. Но никто не обратил свой взор на него.

"По поручению Правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы, и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчёт несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта."

Дежурный по станции Соколов отвернулся в угол и незаметно перекрестился трижды.

"Теперь, когда нападение на Советский Союз уже свершилось, Советским Правительством дан нашим войскам приказ – отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины."

– Да мы их... да они нах... – пытался высказать общее мнение Прохор.

"Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы."

Сидлер сидел блее мела. Он давно знал, к чему всё шло. Но когда момент истины наступил, сам тому отказывался верить. Уж как-то нереально всё это.

"Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполнят долг перед родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору."

Никто уже не пытался высказаться, лишь сиплое дыхание раздавалось ото всюду.

"Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В своё время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной Войной и Наполеон потерпел поражение, пришёл к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу."

Толпа словно сорвалась, загудела, как многоголосый улей, но Сидлер грохнул кулаком об стол, и все резко стихли.

"Правительство Советского Союза выражает твёрдую уверенность в том, что всё население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям,

к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочён и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом. "

– Так что щас будет, начальник? Это теперь и жизни конец? – выразил общую мысль Сенька.

– Ничего не конец! Работаем, как и работали. Кому надо, сами скажут, что делать! – ответил вместо Начальника Соколов.

"Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, ещё теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина."

– Оно пошто поди конечно, не иначе, ка ваще... – подытожил Пётр, глянул на мальчонку, но не обнаружил его. – Сбёг, сорванец...

"Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!"

Глава 11. К здоровью через Морг

Как счастливым сделать Федю?

Отбери фломастер.

А потом верни соседу —

Запоёт от счастья.

Ух-ты, ах-ты!

Обмани себя ты!

16 ноября 2024 года, Четверг. Жуковский

Прошлый раз в Жуковский я приезжаю в эту больничку на машине, паркуюсь во дворах пятиэтажек и нахожу кабинет с некоторыми приключениями. Весело, конечно, когда в направлении указывается лишь больница и диагноз. На месте же не всегда понятно, к кому обращаться. Охранник на входе советует сходить в приёмный покой, но тот, как потом выясняется, находится с торца обратной стороны здания. А место, куда указывает постовой, является лишь рабочим входом в обычный коридор. Только в следующий раз я выясняю, что там как раз действительно и принимают на госпитализацию.

Но в первый визит мне случайно попадает в этом коридоре некий профессор, мельком бросает взгляд на направление и советует подняться на шестой этаж в отделение ЛОР-хирургии, что я и делаю. И надо же свершиться такой случайности, что в ординаторской застаю врача, который и должен вести приём на консультации, но совершенно в другом здании. В поликлинике при больнице. Приём как раз должен начаться спустя час.

Не спеша иду в указанное место и с ужасом обнаруживаю там толпу человек в сто. Выясняется, что консультации проводятся лишь раз в неделю для жителей всей Московской Области и строго в специальные временные рамки. Для многих время в ожидании тянется невероятно долго, но не для меня. Я обожаю такие перерывы для медитации. Шучу. Не для медитации, а для любимого времени препровождения. Я с жадностью трачу эти минуты на написание своих романов прямо в телефоне. Очень удобно, независимо от обстановки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.